

Skleněný
mustek
2015

КЛАВДИЯ ГОЛЫШКИНА

ЖИВАЯ НИТЬ

Клавдия Голышкина

ЖИВАЯ НИТЬ

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Клавдия Голышкина 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

Фото на обложке © С. М. Прокудин-Горский 1912

ISBN 978-80-7534-013-9

Содержание

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 1

– Да пошто ты так, Корпеюшка?!... Ведь девка-то справная! Не один Митрий на нее засматривается! Взять, вон, хоть и Петра Кузнецова, да и...

– Это Мигун што ли?!... Да я к ей его на пушечный выстрел не подпущу!... – Корпей напористостью своего безоговорочного тона обрубил всякую попытку жены закончить свое высказывание.

– Уж больно ты горяч, батюшка... – Лукерья, поджав губы, покачала повязанной синим в белую крапинку платком головой. Кончиком платка вытерла навернувшиеся вдруг близкие бабьи слезы.

– Што мокреть-то раньше времени разводишь?! Аль одна ты за нее радешь?! – Корпей, крепко скроенный пятидесятипятiletний мужик, бросил сердитый взгляд из-под косматых кустистых бровей на хлюпающую носом жену. Широкой сильной ладонью пригладил пышные волнистые иссиня-черные волосы, коротко мимолетным взглядом глянул в тусклое, местами тронутое ржавчиной старое зеркало в потрескавшейся деревянной оправе, привычным взглядом оценивая свою окладистую бороду, словно решая на ходу – не пора ли стричь ее. Подумал: «Уж больно быстро да буйно отрастат! Перед сватами-то надобно быть при параде! И зеркалу пора бы уж сменить! Негоже в таком-то справном дому рухляди этой находиться. Ежели бы не Лукерья, так давно бы и выкинул его. А она, суеверная баба, все наперекор норовит. Не выбрасывают, мол, зеркала-то! Да ладно уж!... Што ж теперича, коль и старое... Да и память ей от его. Из родительского дома еще оставшееся да сохраненное».

– Рубаху вытаскивай, мать, новую! – глянув на свою несколько уже потертую косоворотку, распорядился Корпей, – да и самой причупуриться не грех! Не каждый день дочь-то сватают!

– А у самой-то Матренки што ж ты, ирод старый, не спросишь?! Люб он ей? Али как? – Лукерья, не смирившаяся с выбором для приемной, но ставшей родной для нее дочери в мужья

первого же посватавшего ее жениха, отважилась было на открытый разговор с мужем. Знала Лукерья, к кому лежит сердечко их Матрены. Видела не раз, как после гулянок провожал ее до калитки и долго не отпускал от себя Серега, сын Захара Баженова, живущий на соседней с ними улице. Как, заскочив в сени после выпроваживания парня, стояла девка какое-то время прислонившись спиной к внутренней стороне входной двери, успокаивая свое трепыхавшееся сердечко. И только успокоившись, отворяла неслышно дверь в самую горенку. Не спавшая до возвращения с гулянок да посиделок дочери, все слышала и видела Лукерья. А чего не видела, так о том догадывалась, замечая, как прихорашивается Матренка, собираясь на вечернее гулянье. Как зардеется румянцем в ответ на случайно брошенное в шутку словцо об ее Сергее. Знает все Лукерья, да прямо сказать Корпею об этом не решилась. Не любит ее Корпей указок-то со стороны. «Потихонечку, будто исподволь да с издаля надо начинать с ним разговор-то», – думала Лукерья, – «А вот седни-то не получатся. Не в духе што-то Никанорыч-то мой седни».

«Да што им, бабам-то этим, растолкуешь?» – думал про себя Корпей и, направившись было в сторону входной двери, отозвался, обернувшись:

– И што это седни на тебя, Лукерья, нашло?! Из богатой зажиточной семьи парень сватат! Как за каменной стеной дочка-то жить станет!

Сам сызмальства работающий не покладая рук, Корпей уважал крепкие мужицкие семьи, где царствовал в семье старый, испокон веку установленный порядок. Где каждый занят был своим делом, каждый имел свои обязанности по хозяйству. Где все шло, как и подобает, своим чередом: в будни – работали не разгибая спин, по воскресеньям шли к заутрени на литургию, в праздники же – особо прибранная, пахнущая пирогами хата всегда была радушна открытой для своих односельчан дверью, приветлива гостеприимными хозяевами.

Сам он родился и вырос в бедной семье. Отец, вернувшийся с турецкой с увечьем, полученным еще на Балканах при форсировании Дуная, восстанавливался долго и тяжело. С немалым трудом ему удавалось справляться с нелегкой крестьянской работой. И только в пору, когда сыновья немного подросли, жизнь в семье Корпея стала потихоньку налаживаться.

Корпей гордился тем, что смог выбраться из нищеты. Гордился своим крепким, ладным пятистенком, выстроенным из добротных сухих бревен кондовой сосны, рубленным в обло с присеком, чтобы долговечен был дом, да не на одно б поколение хватило. Строился Корпей с учетом на детей да внуков. Да вот не дал им бог наследников с Лушенькой. Вот тогда и уговорил Корпей своего младшего брата Николая, живущего, как и отец, бедновато, но богатого на дочерей, отдать ему, Корпею, в приемные дочери одну из семи своих дочек. Посоветовались тогда Николай с Устиньей, пораскинули умом и решили: «Ежели не будет супротив сама Матрена, вторая по старшинству дочь, выбранная Корпеем из всех их дочерей, то так тому и быть. Потому как Корпей, любящий десятилетнюю Матренку как родную за ее ласковость да умную головушку, сможет ее растить в достатке, да и замуж ее выдаст в добрый да безбедный дом, дав за нее добротное приданное.

Корпей вышел на крыльцо, сел на выскобленную до жёлтого цвета ступеньку, принялся скручивать сигарку из доморощенного самосада в обрывок старой газеты, привезенной когда-то из города при поездке на ярмарку. Мысли, обуревавшие его, не давали ему покою. Да и Лукерья, не так чтобы уж очень строптивая баба, подлаживающаяся под его крутой нрав множество лет, будто с цепи сорвалась. Восстала супротив его решения, непонятно из какой-то такой надобности.

«Ведь для нее же, Матренки, и стараюсь», – продолжал оправдывать свое решение Корпей. – «Митрий-то ведь – это тебе не Петро Кузнецов, упомянутый давеча Лукерьей. Тот – другое дело! Все ловчит парень. Какой-то уж больно пронырливый!» – продол-

жал размышлять Корпей, затягиваясь крепким самосадом. – «От таких лучше держаться подале, а Митрий... Што Митрий..? Ниче! Отец с матерью крепко на ногах стоят, и он, видно, что парень с головой. Не пропадет с ним Матрена!» – Корпей, откашлявшись от засвербившего в горле крепкого табака, обернулся к вышедшей на крыльцо жене. Та опустила рядышком на теплую, нагретую солнцем ступеньку.

– Слышь, Корпеюшка, што сказать-то тебе все хочу, да ты все рубишь с плеча. Послухай хоть раз, што тебе знать-то надобно. Ведь девка-то другого любит! Што же ты все тока о зажиточности разговор-то свой заводишь. Ну, намаялся сам с малолетства, так теперича богатство жениха тебе на все остальное глаза застит? А девке-то с не любимым потом весь век мыкать! Да и Сергей-то ведь не худой парень! И Захар Баженов справный хозяин! Мельницу свову имет. Одна мельница на всю округу! Сам знашь – тоже ж не бедствуют! Не токмо Медведеровские – из соседних деревень: што Безводовские, што Кувыковские, да и из Керенево, и из Ахлыстино – и те везут зерно молоть. Да и Сергею Матренка-то наша вон как глянется! Што ж мы супротив воли-то ее насильно за нелюбимого отдавать станем? Так ведь и жизнь опостылет девке-то.

Корпей, затянувшись глубоко самосадом, молча слушая жену, смотрел прищурив глаза вдаль. И только двигающиеся желваки выдавали его напряжение.

– Ах, ты! – всплеснула Лукерья руками. – У меня же там пирог в загнетке стоит. Не ровен час пригорит! – И с живостью поднявшись и еще раз, глянув на молчащего мужа и махнув на него рукой, проворно скрылась в проеме двери.

Бросив под ноги докуренную самокрутку и придавив ее носком сапога, Корпей принялся закручивать следующую после первой выкуренной сигарку. Рассказанное женой усугубило его и без того не заладившееся сегодня с утра настроение. Своенравный характер Корпея не позволял ему пойти на поводу у слезливых баб. Не переносил Корпей никакого давления со стороны.

Не терпел, когда кто-то заставлял его следовать чьей-то указке, менять принятое им самим решение.

– «Баженовы? – што ж...», – размышлял сидящий на ступеньке своего дома и глядящий на заходящее на горизонте солнце Корпей. – «Ничего плохого не скажу о них...», – и вспомнил вдруг о брате Захара – Константине Баженове, крепком, хозяйственном мужике, славящемся на всю округу сметливым умом, бережливостью да толковым подходом к любому делу. Уважал он Константина, признавал его дельным хозяином. Вспомнил о рассказанной когда-то давно его матерью истории ее сватовства. Как охаживали ее два добрых молодца в ее молодую пору. Да вот предпочла она отца Корпея. А другим был Константин. Видный и лицом, и статью, да ведь сердцу-то не прикажешь... И не донимал ее потом отвергнутый жених. Из гордости словно отрезал – раз и навсегда. Не замечал ее ни на гулянках совместных, ни посередь буден. Будто и не было ее вовсе ни в деревне их, ни на всем белом свете. А взял в жены заглядывающуюся на него, румяную да чернобровую соседскую девчинку. Взял, да и зажил с ней душа в душу. А когда в лета вошел да возмужал – так бабы не только со своей деревни, а и с окрестных деревень все на него стали заглядываться. Не только внешностью за версту от других отличался, но и хозяином толковым да с житейским крепким умом оказался.

И не мог не видеть подрастающий Корпей, умный да сметливый, незаметного для других, словно исподволь, но глубокого внимания его матери к выделявшемуся всем из односельчан Константину. Не раз ловил ее быстрый, равнодушный взгляд. И поворачивалось что-то в душе Корпея. И раздваивался он на две половинки в эти минуты. Понимал Корпей свою мать. Но какое-то свербящее за отца чувство не давало Корпею покоя. И был Константин моложе его отца на целых двенадцать лет, и был более удачлив – и в ведении хозяйства, и во всем остальном. И с войны Константин вернулся с легким ранением. И потом, когда из-за увечья отец Корпея долгое время никак не мог подняться, семье его тяжело приходилось, пока не подросли да не стали помогать сыновья. А Константин, вернувшись с войны и начав поднимать свое хозяйство, ходко пошел в гору.

И вспомнив свое ревностное чувство по молодости своей, усмехнулся Корпей. Затянулся крепкой сигаркой. Посмотрел задумчиво на заходящее солнце. Вспомнил, как хотелось ему хотя бы и задним числом, но взять все же реванш у Константина. Словно какая-то внутренняя заноза тогда сидела внутри у Корпея. И строя со временем пятистенки свой, и налаживая свое хозяйство, будто соревновался он с ним в расторопности да смекалке. Ни за что бы не пошел просить его о какой-либо услуге, как не обращался никогда к нему, даже в самое тяжелое для себя время, отец Корпея. Видели они, как заглядывали Константину в глаза вынужденные работать в его крепком хозяйстве соседи из бедняцких семей. Да только не все шли к нему на поклон. Некоторые вот так же всячески старались на своих наделах, с утра до ночи, не разгибая спин, сеяли, пололи, жали. Сводили еле-еле концы с концами, а в батраки не нанимались.

Задумавшись, Корпей забыл о сигарке. Догоревший окурок больно обжег пальцы. Большая кучка пепла упала на штанину холщовых портков. Корпей отбросил окурок в сторону, смахнул пепел со штанины. Еще раз усмехнулся превратностям судьбы. Второй раз жизнь перекрещивает их дорожки. Вначале Константин с его матерью. А теперь вот племянника Константина с их Матренкой. Мысли Корпея перенеслись на семейство Захара. «Серьезный мужик, толковый этот Захар!» – размышлял Корпей. – «Да и про Сергея худого-то ниче не скажу. Да тока и Макара опять же обижать не хотелось бы. Ведь согласие свое, слово ему уже дал, што отдам свову дочь за его Митьку. С малых лет ведь с Макарой мы вместе. Не разлей вода всю жизнь были. Вместе в Сакмарке на спор, кто кого переныряет, в воде до посинения бултыхались. Вместе по чужим огородам за яблоками лазали. А когда подросли, так вместе на гулянки начали бегать, парней из чужих деревень от своих девок вместе шугать ходили. А уж скока пережито вместе, когда вшей в окопах в японскую-то ишо кормили – то это и вовсе ужо отдельный разговор. Одно тока кровопролитное пятнадцатиденное сражение у Мукдена да отступление опосля него всей нашенской третьей армии по Мандаринской дороге с ранеными в обозах да под обстрелами япошек чево стоит! Ежели